

Религиоведение. 2021. № 4. С. 5–16.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2021. No. 4. P. 5–16.

DOI: 10.22250/2072-8662.2021.4.5-16

Забияко А.П.

Амурский государственный университет
675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, стр. 7, каб. 107
sciencia@yandex.ru

Ранний символизм и ранние формы религии народов Нижнего Приамурья

Аннотация. Целью статьи является, во-первых, определение территориальных и хронологических границ становления раннего символизма и ранних форм религии в бассейне Нижнего Амура, во-вторых, экспликация ранних верований и практик в контексте современных представлений о религии. Территориальные границы раннего символизма и ранних форм религии располагаются в Нижнем Приамурье в пределах распространения *осиповской* и *мариинской* археологических культур. Эти культуры относятся к раннему неолиту и размещаются в хронологических интервалах 13–10 тыс. л.н. (*осиповская культура*) и 10–9 тыс. л.н. (*мариинская культура*). Археологически фиксируемыми в Нижнем Приамурье древнейшими верованиями и практиками являются гендерный культ, зоолатрия и танатология. Гендерный культ представлен своими мужскими и женскими разновидностями. Зоолатрия явлена прежде всего в формах медвежьего культа, ихтиолатрии и орнитолатрии. Танатология обнаруживает себя в погребальной практике ингумации тела с ритуальным использованием огня и сопогребаемых предметов. Гендерный культ и зоолатрия овеществлены в образцах мобильного искусства. Танатология опредмечена в погребальном комплексе.

Ключевые слова: Нижний Амур, ранний неолит, ранний символизм, религия, гендерный культ, фаллический культ, зоолатрия, ихтиолатрия, орнитолатрия, танатология, погребальный культ

Andrey P. Zabiako

Amur State University
of. 107, build. 7, 21 Ignatievskoe Shosse, Blagoveschensk, 675027, Russia
sciencia@yandex.ru

Early Symbolism and Early Forms of Religion of the Peoples of the Lower Amur Region

Abstract. The purpose of the article is, firstly, to determine the territorial and chronological boundaries of the formation of early symbolism and early forms of religion in the basin of the Lower Amur, and secondly, to explicate early beliefs and practices in the context of modern theories of religion. The territorial boundaries of early symbolism and early forms of religion are located in the Lower Amur region within the boundaries of the distribution of the *Osipovskaya* and *Mariinskaya* archaeological cultures. These cultures belong to the Early Neolithic and are located in chronological intervals of 13,000–10,000 years ago (*Osipovskaya culture*) and 10,000–9,000 years ago (*Mariinskaya culture*). The oldest beliefs and practices archaeologically recorded in the Lower Amur region are the gender cult, zoolatry and thanatology. The gender cult is represented by its male and female varieties. Zoolatry is manifested primarily in the forms of bear cult, ichthyolatry (worship of fish) and ornitholatry (worship of birds). Thanatology reveals itself in thanatocracies – the funeral practice of inhumation of the body with the ritual use of fire and buried objects. Gender cult and zoolatry are objectified in the objects of mobile art. Thanatology is objectified in the burial complex.

Key words: Lower Amur, early Neolithic, early symbolism, religion, gender cult, phallic cult, zoolatry, ichthyolatry, ornitholatry, thanatology, burial cult

Введение

Территория бассейна Нижнего Амура – огромный регион, расположенный на востоке на побережье Тихого океана, а на западе смыкающийся с Северо-Восточным Китаем, Приморьем и Западным Приамурьем. Пограничное положение региона обусловило переплетение на его просторах разных миграционных волн и культурных традиций. В итоге здесь на восточной оконечности Евразии формировались уникальные культуры, отражавшие общие тенденции культурного развития человечества и локальные особенности культурной деятельности местных народов. Целью статьи является, во-первых, определение территориальных и хронологических границ становления раннего символизма и ранних форм религии в той части северо-востока Евразии, которая располагается в бассейне Нижнего Амура, во-вторых, экспликация ранних верований и практик в контексте современных представлений о религии. Эмпирическую основу исследования составляют археологически фиксируемые образцы мобильного искусства, признаки святилищ и захоронения. Петроглифы – огромный пласт сведений о раннем символизме и религии – в данной статье в качестве источника не привлекаются.

Ландшафтно-климатические особенности региона. Флора и фауна

Нижний Амур, который начинается от впадения в Амур реки Уссури, имеет длину 966 км. Ширина реки в среднем 2 км, на некоторых участках Амур растекается по большой территории и имеет русло шириной более 10 км. В бассейне Нижнего Амура горные и возвышенные участки занимают около 60 % территории. Горы и возвышенности невысокие, самая большая гора имеет высоту 2933 м. Равнинная территория располагается главным образом в долинах рек. Бассейн Нижнего Амура имеет густую речную сеть. Наиболее крупные реки бассейна – Амгунь, Уссури, Хор и некоторые другие.

Завершение *плейстоцена* относится в этом регионе ко времени 16–10 тыс. л.н. *Позднеледниковый* этап наступил около 12 тыс. л.н., в интервале 12–11 тыс. л.н. длился относительно тёплый *аллерёдский* период, ему на смену пришел значительно более холодный период *позднего дриаса* (11–10,3 тыс. л.н.). Далее следовало потепление климата, знаменовавшее наступление *голоцена*, в течение первых тысячелетий которого наряду с общим потеплением происходили существенные колебания климата. Наиболее теплым в эти тысячелетия был *атлантический* период (8–5 тыс. л.н.) [Кузьмин, 2017]. В целом в период голоцена здесь установился преимущественно муссонный климат с влажным и теплым летом и холодной, малоснежной зимой. В течение последних 10 тыс. лет на территории Нижнего Амура сформировались две природно-климатические зоны: первая – более тёплая и равнинная юго-западная, которая находится вблизи устья Уссури; вторая – более холодная и горно-таёжная северо-восточная, которая располагается ближе к низовьям Амура.

Растительность в Нижнем Приамурье менялась в течение позднего *плейстоцена* от тундровой и лесотундровой (12–10 тыс. л.н.) до хвойно-широколиственных лесов, состоявших из елей, пихт, берёз, дубов, вязов, маньчжурского ореха и других хвойных и широколиственный пород, распространившихся в *голоцене* [Кузьмин, 2017].

Состав животного мира Нижнего Приамурья в эпоху *плейстоцена* включал крупных животных ледниковой эпохи – мамонтов, бизонов, коз, оленей, лосей, кабанов, лошадей и другие виды животных и птиц [Шереметьев, Панасенко, 2013]. Мамонты обитали на просторах Нижнего Приамурья до конца *плейстоцена*, самые поздние из обнаруженных останков мамонтов датируются временем 13 тыс. л.н. [Ахметьева, 1977]. В эпоху *голоцена* животный мир представлен копытными животными (лоси, косули, олени и кабаны), хищниками (медведи, рыси, волки, лисицы, амурские тигры), пушными зверями (соболы, белки, выдры, россомахи) и другими животными. Нижнее Приамурье населено многими видами птиц – глухарями, рябчиками, фазанами, утками и т.д.

В эпоху *голоцена* чрезвычайно богатыми и разнообразными стали рыбные ресурсы Нижнего Амура. Ихтиофауна представлена на Нижнем Амуре примерно 130 видами рыб, среди которых особое значение имеют лососевые виды рыб

(горбуша, кета, кижуч и т.д.). Огромное количество лососевых рыб приплывает из Тихого океана в Амур на нерест летом и осенью. Богатство рыбных ресурсов Нижнего Амура сыграло большую роль в стратегиях адаптации жителей края к природному окружению, в их образе жизни и культуре.

Ранний символизм и ранние формы религии в нижнеамурских раннеолитических культурах

В Нижнем Приамурье палеолитических памятников обнаружено мало. Это обусловлено достаточно поздним освоением территории человеком. К памятникам верхнего палеолита относится охотничья стоянка (лагерь) Голый Мыс-4. Артефакты этого памятника имеют сходство с каменными орудиями, найденными на острове Сахалин (памятник Огоньки-5) и на реке Селемдже (селемджинская культура). Датировка стоянки – 13–12 тыс. л.н. [Шевкомуд, Яншина, 2010]. Признаков символического поведения в материалах стоянки выявлено не было. Согласно современной периодизации, мезолит не выделяется в регионе как отдельный этап, явленный соответствующими археологическими культурами.

Ранний неолит представлен в Нижнем Приамурье двумя археологическими культурами – *осиповской* и *маршинской*. К периоду раннего и среднего неолита относятся *мальшевская культура*. Она выходит за границы раннего неолита, поэтому заслуживает отдельного освещения и в данной статье не рассматривается.

Раннеолитические памятники одним из первых в регионе обследовал выдающийся российский археолог и антрополог М.М. Герасимов, работавший здесь в 1926–1927 гг. Рядом с Хабаровском им были выявлены стоянки, одна из них – у с. Осиповка на берегу Амура. В 1935 г. А.П. Окладников продолжил исследования, нарастил их в 50-е гг. и в результате обосновал факт существования *осиповской культуры*. Большой вклад в её изучение внесён А.П. Деревянко и В.Е. Медведевым, которые вместе с А.П. Окладниковым проводили раскопки основных памятников этой культуры – Гася, Гасян, Гончарка, Хумми и других. Позднее исследования были продолжены З.С. Лапшиной, И.Я Шевкомудом, М.В. Горшковым, С.Ф. Косицыной, О.В. Яншиной и другими археологами. Ныне открыто около 70 памятников этой культуры.

Осиповская культура располагалась по нижнему течению реки Уссури до слияния с Амуром и далее вниз по долине Амура на расстояние около 600 км. Наиболее плотно памятники расположены от устья Уссури вниз по Амуру до с. Сикачи-Алян. Датировка осиповской культуры – 13,3–10 тыс. л.н., культура относится к периоду раннего неолита [Медведев, Филатова, 2014, 29]. Следует учитывать, что определение возраста археологических культур Нижнего Амура остаётся в отношении большинства культур дискуссионной проблемой. Для *осиповской культуры* допускаются калиброванные даты в интервале 14200–9900 гг. до н.э. [Шевкомуд, Яншина, 2010, с. 122]. Нами за основу взяты даты, обоснованные В.Е. Медведевым. Время существования *осиповской культуры* соотносится с неоднократными ландшафтно-климатическими изменениями в позднеледниковье. Ранняя история (13–12 тыс. л.н.) приходится период холодного климата и лесотундры с редкими хвойными лесами. В *аллерёде* (12–11 тыс. л.н.) стало существенно теплее, расширилась зона хвойных лесов, а в *позднем дриасе* (11–10,3 тыс. л.н.) резко похолодало, распространение получили кустарниковые разновидности берёзы, ольхи [Кузьмин, 2017, 89].

Происхождение *осиповской культуры* остаётся предметом дискуссии. А.П. Деревянко и ряд других исследователей считает, что *осиповская культура* возникла под влиянием верхнепалеолитической *селемджинской культуры*. Каменные индустрии и керамические традиции *осиповской культуры* близки *громатухинской культуре* Верхнего и Среднего Приамурья и вместе они имеют общую основу – верхнепалеолитическую *селемджинскую культуру* [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, 99–103]. В рамках этой концепции допускается как наследование традиций, так и передача опыта по эстафетному принципу либо в результате миграций. «...Осиповская керамика, имеющая в ряде случаев орнаментацию, почти идентичную декору на громатухинской посуде, выявляет такие признаки на всех уровнях структуры. Это можно объяснить либо генетическими связями обеих керамических традиций, либо проникновением осиповцев на средний Амур»

[Медведев, Филатова, 2014, 114]. Миграции по речной сети Амура неолитических популяций, контакты и взаимообмен предметами, знаниями были естественной частью жизни неолитического населения бассейна великой реки. Возможно, такие контакты облегчались этнокультурными родством некоторых групп населения Амура, восходящим к общим корням – селемджинской общности.

Некоторые исследователи *осиповской культуры*, не исключая признаки её сходства с *громатухинской культурой*, обращают внимание на связь этой нижеамурской культуры с более южными, приморскими археологическими памятниками, расположенными в бассейне р. Уссури. Вполне вероятно, по мнению И.Я. Шевкомуда и О.В. Яншиной, версия «появления прямых предков осиповского населения из современного Приморья и провинции Хэйлунцзян, близкой к бассейну Уссури, или даже из ещё более южных и восточных территорий Китая, где известны верхнепалеолитические комплексы с микроиндустриями и бифасами» [Шевкомуд, Яншина, 2012, 230–231].

Вторая археологическая культура раннего неолита – *мариинская*. *Мариинская культура* возникла и развивалась в преимущественно в северо-восточной части Нижнего Амура. Основные памятники – Сучу (о. Сучу близ села Мариинское) и Кондон-Почта. Важнейший вклад в выделение и изучение этой культуры внесён В.Е. Медведевым и А.П. Деревянко. Время существования *мариинской культуры* – 10–9 тыс. л.н. [Медведев, 2008; Медведев, Филатова, 2014, 37–44]. Генезис *мариинской культуры* и её связи в другими нижеамурскими археологическими культурами, культурами сопредельных территорий остаются предметом дискуссии.

Различие подходов к происхождению раннеолитических культур и их населения согласуется в главном – древнейшее население региона формировалось и развивалось в результате миграций на территорию Нижнего Амура разных популяций. Возможно, основу этого населения составляла палеоазиатская (палеоамурская) общность [Забяко, 2017, 392].

На осиповских памятниках присутствуют свидетельства символической деятельности. *Осиповская культура* – одна из наиболее ранних не только на востоке Евразии, но и в мире культур с керамическим производством. Осиповской керамике, несмотря на её архаичность, присущ достаточно развитый декор, представленный разными вариантами орнамента. Декорирование керамических изделий при помощи разных техник по тулову, шейке и венчику прямыми, волнистыми, зигзагообразными линиями, круглыми и ромбовидными точками, пунктирами, налепными элементами решало в первую очередь технологические задачи. Вместе с тем, нередко сложность декора избыточна для сугубо утилитарных целей. Орнамент уже на ранней стадии появления мог выполнять эстетические, коммуникативные, религиозные и иные функции. «Информация, которую орнамент передавал при помощи специального кода, могла носить магический или опознавательный (идентифицирующий) характер. В первом случае орнамент мог играть роль оберега, поскольку реализовывал традиционную для оберега опоясывающую композицию, а во втором сигнализировать о различном предназначении сосудов, в т.ч. ритуальном» [Медведев, Филатова, 2014, 27]. Такая интерпретация, значимая для всей неолитической нижеамурской керамики, может объяснить особенности декора сосудов *осиповской культуры*.

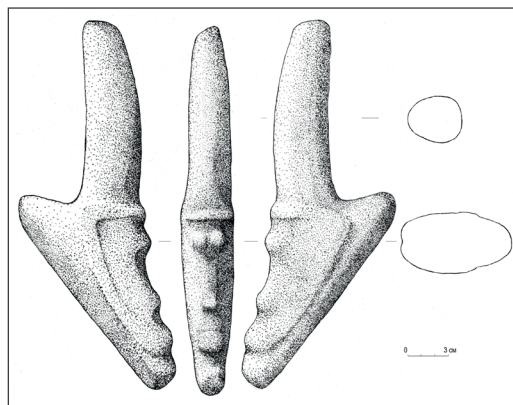
К ранним образцам символики раннего неолита Нижнего Приамурья принадлежат базальтовые и керамические статуэтки медведей. Они связаны с медвежьим культом – одним из древнейших и широко распространённых в Евразии [Васильевский, Окладников, 1980; Медведев, 2005]. Основу почитания медведей составляют в разных сочетаниях зоолатрия, тотемистические представления, культ предков, промысловая магия, некоторые другие архаические верования и практики. Все они в большей или меньшей степени проникнуты идеей родства медведя и человека. *Осиповская культура* даёт один из ранних примеров медвежьего культа на восточной окраине Евразии.

Многозначный образ запечатлён на найденной в 1972 г. на поселении Сикачи-Алян (нижний пункт) скульптуре из песчаника. Это округлое в сечении изогнутое изделие с закруглёнными концами и небольшим выступом с внешней

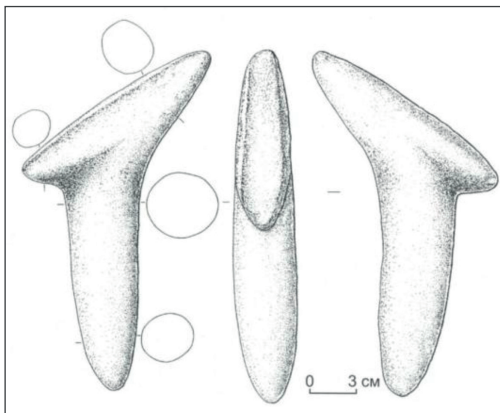
изогнутой стороны. Верхняя часть изделия в профиле демонстрирует наклоненную назад голову, скорее всего, женскую с высокой причёской. «При всем схематизме скульптуры перед нами предстает двуполой или гибридный антропоморфный образ женщины – двуконечного фаллоса» [Медведев, 2001, 79].

Двуполье существа – андрогины – типический образ архаических культур разных частей земли. Столь же типичны символические объекты, соединяющие в своем облике мужские (например, фаллические) и женские (например, вульва) формы. Смыслы двуполовых образов являются выражением гендерного культа, основанного на сакрализации женской и мужской жизнепорождающей силы. Гендерный культ в разных вариациях сакрализации мужского и женского пола, их признаков, реализуется в ритуальных сексуальных практиках и действиях, направленных на почитание символов пола.

Сходные с сикачи-альянской скульптурой изделия были найдены на поселении Гончарка-1. Две выточенные из серого базальта У-образные скульптуры обнаружены в раскопе 2 – здесь они лежали вплотную друг к другу, а близ них располагался валун с небольшими лунками на поверхности. У-образные скульптуры и валун с лунками вместе составляли единый ритуальный комплекс. Один из У-образных предметов имел антропоморфные черты. Аналогичный ритуальный комплекс был выявлен также в раскопе 4. [Шевкомуд, Яншина, 2012, 29, 45].

Илл. 3. Символический объект с антропоморфными признаками. Осиповская культура. Гончарка-1, раскоп 2. По: Шевкомуд, Яншина, 2012, рис. 52.

Илл. 1. Символический объект. Осиповская культура. Сикачи-Алян, нижний пункт. По: Медведев, 2001, рис. 1.

Илл. 2. Символические объекты в составе ритуального комплекса. Осиповская культура. Гончарка-1, раскоп 2. По: Шевкомуд, Яншина, 2012, рис. 18.

Не исключено, что к осиповской культуре относится обнаруженный при раскопках поселения Кондон фаллозооморфный объект, изготовленный из песчаника при помощи техники мелко-точечной оббивки с частичной шлифовкой. Он сочетает фаллические признаки с образом головы лося. По мнению

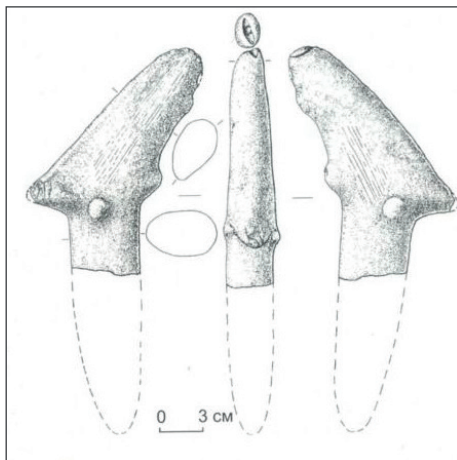
автора находки, в верхней части головы «выбита вульва в форме овального углубления с ямочкой посередине» [Медведев, 2001, 80]. Фаллозооморфный объект,

дополненный символом женского пола, включает в своей семантике композицию смыслов, отсылающих к тотемистическим представлениям о лосе-прародителе, космогониям небесного лося, которые уходят корнями в палеолитическую древность населения северной Евразии.

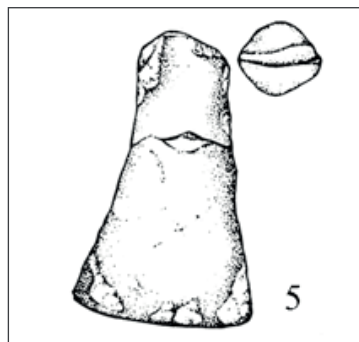
Наряду со сложными по форме и образному строю (полиэikonическими) объектами гендерного культа, свойственными *осиповской культуре*, в раннем неолите Нижнего Приамурья существовали и более простые фаллические предметы. Один из них представлен в *мариинской культуре* изготовленным из серо-коричневого песчаника в технике пикетажа фаллосом высотой 14,5 см с акцентированным на узком торце желобком.

Сходные фаллические предметы достаточно широко представлены в Верхнем и Среднем Приамурье. Так, каменный фаллос присутствует в коллекции артефактов Калиновки-1, где он залегал в слое ранненеолитической *громатухинской культуры* Верхнего Амура. Радиоуглеродная датировка этого слоя по трём образцам – 9739 (± 137) л.н., 9926 (± 130) л.н., 9597 (± 131) л.н. [Забияко, Миронов, 2017]. Не подлежит сомнению, что каменное изделие связано с фаллическим культом. Фаллический культ – разновидность гендерного культа, основанная на почитании мужской репродуктивной силы, явленной в образе полового органа, фаллоса. Мужская детородная способность является в фаллическом культе главным объектом сакрализации, а репрезентирующий её мужской детородный орган, фаллос – важнейшим сакральным образом. Фаллический предмет, обнаруженный на Калиновке-1, – не единственная находка подобного рода в бассейне Амура. В ходе археологических раскопок на р. Селемдже (Средний Амур) на стоянке-мастерской Баркасная Сопка II была обнаружена изготовленная из камня фигурка рыбы, а на Баркасной Сопке III – каменный жезл с насечками. Жезл, как и фигурка рыбы, имеет удлиненную цилиндрическую форму. Форма этих изделий близка к фаллообразной. Памятники, на которых найдены эти предметы, относятся к позднепалеолитической *селемджинской культуре* (25–10 тыс. л.н.). Установлено, что *селемджинская культура* была одним из источников развития *громатухинской культуры* [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, 27, 32–33, 100–103, 208; рис. LXXVI]. Возможно, в *селемджинской культуре* существовали представления об особой мужской детородной силе, воплощением которой выступали каменные предметы фаллической формы. Фаллообразные предметы и признаки фаллического культа в раннеолитическую эпоху обнаружены археологами в других регионах Дальнего Востока [Лапшина, 2008; Крупянко, Табарев, 2013].

Валун с лунками (чашевидными углублениями) из Гончарки-1 может представлять собой петроглифический объект с парциальным (неполным) изображением антропоморфной личины; такие образы широко распространены на нижнеамурских петроглифах – в Сикачи-Аляне и других [Шевкомуд, Яншина, 2012, 29, 45]. Практика создания чашевидных углублений уходит в Евразии в эпоху верхнего, а возможно, и финала среднего палеолита, к которому принадлежит

Илл. 4. Фаллозომорфный предмет. Осиповская культура, Кондон. По: Медведев, 2001, рис. 5.

Илл. 5. Фаллический предмет. Мариинская культура. По: Медведев, 2007, рис. 1.5.

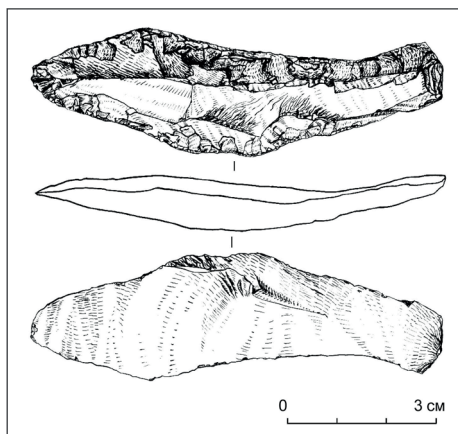
валун с чашевидными углублениями из Ла Ферраси. К самым древним ближайшим по отношению нижеамурским чашевидным углублениям относятся чашевидные знаки Ляодунского п-ова (памятники Юйфошань, Цошишань, Чжунсиньбу и др.). Вместе с украшениями из пещеры Сяогушань с датировкой около 30 тыс. л.н. они демонстрируют наиболее ранние формы символического поведения населения региона [Забияко, Ван Цзюньчжэн, 2021].

Коллекцию символических предметов Гончарки-1 дополняет достаточно представительная серия ихтиоморфных изображений, изготовленных из плоских длинных камней при помощи ретуширования. Всего найдено не менее 4–5 фигурок рыб.

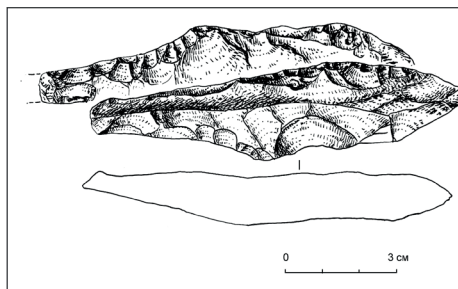
Примечательно, что в палеолитическом искусстве Евразии образы рыб в наскальных изображениях и образцах скульптуры встречаются достаточно редко. Среди палеолитических наскальных рисунков Европы выявлено немногим более десяти изображений рыб. Самым древним принято считать изображение из грота Пуассон (долина р. Везер), где в технике высокого рельефа выбита фигура лосося длиной 1,05 м, окрашенная в красный цвет. Она отнесена к *граветту* с датировкой около 25 тыс. л.н. В технике гравировки выполнено изображение рыбы на реберной кости оленя из грота Ложери-Бас (долина р. Везер), датированное временем *мадленской* и *азильской* археологических культур в интервале от 14 до 10 тыс. л.н. Рыба из Ложери-Бас – современница осиповских ихтиоморфных фигурок Нижнего Приамурья. Очевидно, они созданы в период аллерёда, когда в результате потепления реки и речные ресурсы становятся важным источником жизнеобеспечения людей.

Гончарка-1 – не единственный памятник *осиповской культуры* с ихтиоморфными изделиями. Изготовленная из белого халцедона скульптура рыбы размером 2,8 x 1,8 x 0,5 см найдена в слое *осиповской культуры* на поселении Хуми-1. Она являет образ рыбы, очевидно, из семейства карповых [Лапшина, 2012, 163].

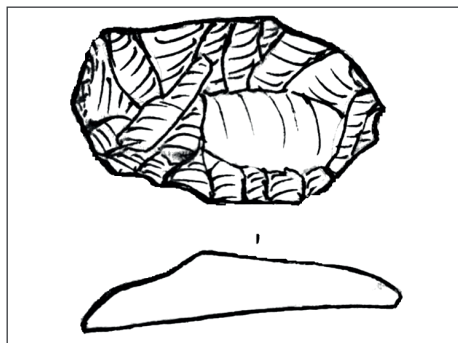
Примечательно, что в Нижнем Приамурье ихтиоморфные образцы мобильного искусства представляют собой репрезентативную серию. Это имеет своё объяснение. Серия ихтиоморфных образцов указывает на большую роль образа рыбы в искусстве и религиозно-мифологических представлениях раннеолитического населения Нижнего Амура. Амур – огромная, богатая рыбой река, выступает важным фактором формирования неолитического мировоззрения. Для сравнения отметим, например, что Везер, где найдены единичные образцы, – это небольшая речка, значение которой в трансформации образа жизни и мировоззрения обитавших на её берегах людей

Илл. 6. Фигурка рыбы. Осиповская культура. Гончарка-1. По: Шевкомуд, Яншина, 2012, рис. 43.4.

Илл. 7. Фигурка рыбы. Осиповская культура. Гончарка-1. По: Шевкомуд, Яншина, 2012, рис. 66.4.

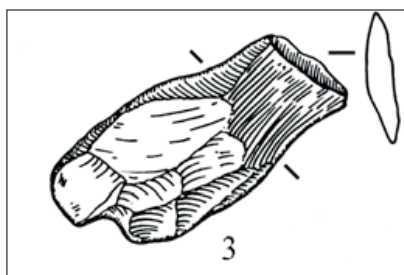

Илл. 8. Фигурка рыбы. Осиповская культура. Хуми-1. По: Лапшина, 2012, рис. 1.)

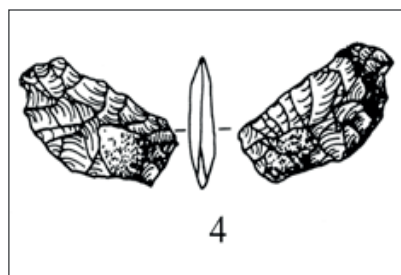
периода раннего голоцена много уступает роли Амура. Существуют, конечно, и другие причины, обусловившие серийность ихтиоморфных изображений в Нижнем Приамурье, но фактор реки как жизнеопределяющего ресурса является главным. Утилитарные и неутилитарные (культурные) функции сходных «каменных рыб» из Сибири описаны А.П. Окладниковым [Окладников, 1936]. Нижнеамурские ранне-неолитические ихтиоморфные изображения относятся к категории культурных предметов. Их семантика и функции связаны с промысловой магией и ихтиолатрией – культом рыб.

В эпоху палеолита орнитоморфные изображения, как и ихтиоморфные, в большинстве регионов Евразии немногочисленны. Редким исключением является *мальтинско-буретская культура* бассейна Ангары. Потепление климата, появление в бассейне Амура обширной сети проток, затопляемых пойм, озёр стимулировали разрастание видов и общей численности птиц, в особенности водоплавающих. Птицы становятся наряду с рыбой важным ресурсом жизнеобеспечения населения региона. На это указывают коллекции каменных орудий *осиповской культуры*, в которых наконечники стрел занимают одно из главных мест. Лук и стрелы получают в эпоху неолита широкое распространение во многом в качестве орудия охоты на птиц. В бассейнах таких рек, как Амур, где обитают многотысячные популяции водоплавающих птиц, их добыча в голоцене начинает дополнять и даже отчасти замещать главенствующую в плейстоцене охоту на крупных животных. Изменения в образе жизни находили отражение в мировоззрении, в котором образы птиц выходят на первый план.

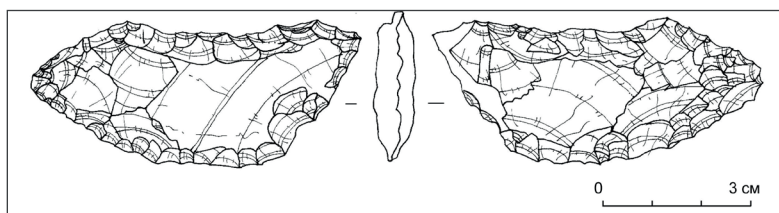
Галерею орнитоморфных изображений открывают на Нижнем Амуре фигурки птицы, обнаруженные на памятниках раннего неолита. Фигурка совы, изготовленная в технике ретуши из пластины алевролита, найдена на поселении Гася (*осиповская культура*); на о. Сучу обнаружено изображение птицы из халцедона (*маршинская культура*) [Медведев, 2007, 47]. Ещё одно изделие, относящееся к *осиповской культуре*, открыто на поселении Гончарка-1 [Шевкомуд, Яншина, 2012, 23]. К осиповскому слою поселения Сикачи-Алян (нижний пункт) относится халцедоновое орнитоморфное изделие, изображающее глухаря или тетерева. Оно было отнесено А.П. Окладниковым к мезолитическому времени, что в современной периодизации соответствует раннему неолиту. Этими изделиями не ограничивается коллекция орнитоморфной пластики раннего неолита Нижнего Приамурья.

Илл. 9. Орнитоморфное изображение. Осиповская культура. Гася. По Медведев, 2007, рис. 1.4.

Илл. 10. Орнитоморфное изображение. Маршинская культура. По Медведев, 2007, рис. 1.4.

Илл. 11. Орнитоморфное изображение. Осиповская культура. Гончарка-1. По: Шевкомуд, Яншина, 2012, рис. 43.1.

Образы птиц играли, очевидно, заметную роль в религиозно-мифологических представлениях древнего населения, где они могли быть связаны, судя по этнографическим источникам, с космогоническими представлениями о происхождении земли, с тотемизмом, промысловой магией. Изображения в образцах мелкой пластики птиц указывают на существование в религиозных традициях раннего неолита орнитолатрии – верований и практик, в которых объектом сакрализации являются птицы. Птицы могут выступать объектом сакрализации как в качестве самостоятельных существ, наделённых необыкновенными признаками, так и в качестве существ, наделённых сакральными качествами в силу причастности к сакральным объектам высшего порядка – небу, светилам и т.п. первоэлементам стихиям.

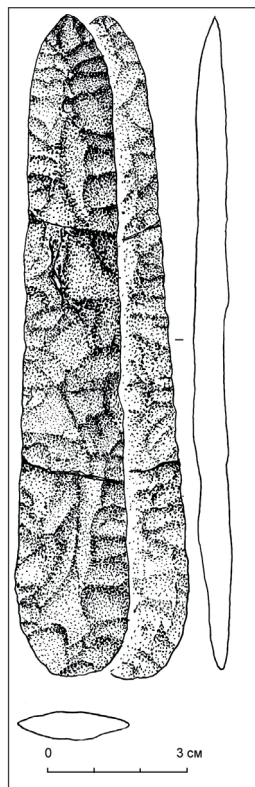
На поселении Гончарка-1 в раскопе 4 У-образные скульптуры, валун с парциальной личиной, изображения рыб соседствовали с ямой, в которой прослеживаются следы захоронения человеческого тела, а также использования огня. Над погребением находился искусно изготовленный каменный бифас редкой «кинжаловидной» формы, сломанный пополам. Его изящный вид, местоположение над погребением, деформация могли иметь культовый смысл. Все вместе неутраченные предметы из раскопа 4 Гончарки-1, их расположение, а также признаки захоронения человеческих останков образуют погребальный комплекс и демонстрируют ранние формы ритуального поведения представителей осиповской культуры [Шевкомуд, Яншина, 2012, 46, 50–51]. Если это так, то погребение Гончарки-1 является наиболее ранним из известных образцов погребальных ритуалов не только на Нижнем Амуре, но и на Верхнем, Среднем Амуре, а также на сопредельных территориях. Погребальный комплекс указывает на присутствие в мировоззрении людей религиозной танатологии – религиозно-мифологических представлений о смерти и посмертном существовании. Эти представления реализуются посредством особых действий – танатопрактик, погребальных ритуалов. Погребальный комплекс является опредмеченным выражением танатологии и танатопрактик.

Место погребения – локус пространства, в пределах которого осуществляются символические действия, связанные с представлениями о смерти и посмертном существовании. Существуют локусы пространства для отправления символической деятельности иной направленности. В Нижнем Приамурье в раннем неолите они были представлены в виде культовых мест, святилищ, располагавшихся в жилищах и вне их стен. Археологически фиксируемые признаки культовых мест были выявлены на памятниках Сучу, Гася, Сикачи-Алян (нижний пункт) и Гончарка-1 [Васильевский, Окладников, 1980; Медведев, 1994; Медведев, 2005; Шевкомуд, Яншина, 2012, 51].

Важно, что многие из отмеченных выше проявлений раннего символизма имеют преемственность на последующих этапах развития искусства и религии Нижнего Приамурья.

Илл. 12. Орнитоморфное изображение. Сикачи-Алян. Ранний неолит. По: Окладников, 1981, fig. 49.

Илл. 13. Кинжаловидный бифас. Осиповская культура. Гончарка-1. Шевкомуд, Яншина, 2012, рис. 66.1.

Заключение

Развивавшиеся раннеголоценовые изменения климата, потепление и появление новых источников питания – прежде всего, обильных рыбных ресурсов, – обусловили рост населения и развитие нового образа жизни обитателей Нижнего Приамурья. Население региона переходит к оседлому образу жизни, строит жилища и поселения, совершенствуется техника создания каменных орудий для охоты и рыболовства, создаёт новые технологии – в первую очередь, производство керамики. Новации в образе жизни обусловили изменения в мировоззрении людей, развитие символической деятельности, религиозных верований и практик, которые нашли своё выражение в образцах мобильного искусства и погребальной обрядности.

Территориальные границы раннего символизма и ранних форм религии располагаются в Нижнем Приамурье в пределах распространения *осиповской* и *мариинской* археологических культур. Эти культуры относятся к раннему неолиту и размещаются в хронологических интервалах 13–10 тыс. л.н. (*осиповская культура*) и 10–9 тыс. л.н. (*мариинская культура*).

Разумеется, семантика и функции ранненеолитических скульптур, других символических предметов и ритуальных комплексов может оставаться для нас не до конца понятной. Предельная условность скульптурных изображений оставляет место разным интерпретациям и препятствует бесспорной верификации смыслов этих символических объектов.

Эмпирически фиксируемыми в Нижнем Приамурье древнейшими верованиями и практиками являются гендерный культ, зоолатрия и танатология. Гендерный культ представлен своими мужскими и женскими разновидностями. Зоолатрия явлена прежде всего в формах медвежьего культа, ихтиолатрии и орнитололатрии. Танатология обнаруживает себя в танатопрактике – погребальной практике ингумации тела с ритуальным использованием огня и сопогребаемых предметов. Гендерный культ и зоолатрия овеществлены в образцах мелкой пластики. Танатология определена в погребальном комплексе.

Древнейшее население региона формировалось и развивалось в результате миграций на территорию Нижнего Амура разных популяций. Религиозные традиции народов Нижнего Амура эпохи раннего неолита, с одной стороны, носили самобытный характер, выражали местные особенности, а с другой стороны, были связаны с культурными традициями народов сопредельных территорий – Среднего и Верхнего Приамурья, Северо-Восточного Китая, Приморья, Курильских островов, Сахалина, Японии и Северной Америки.

Благодарность

Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-011-00408

Acknowledgement

The study is supported by a grant of Russian Foundation for Fundamental Studies, project no. 20-011-00408

Библиографический список

1. Ахметьева, Н.П. Палеогеография Нижнего Амура / Н.П. Ахметьева. – М.: Наука, 1977. – 111 с.
2. Васильевский, Р.С. Изображения медведей в неолитическом искусстве Северной Азии / Р.С. Васильевский, А.П. Окладников // Звери в камне: Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 230–238.
3. Деревянко, А.П. Селемджинская верхнепалеолитическая культура / А.П. Деревянко, П.В. Волков, Ли Хонджон. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 336 с.
4. Деревянко, А.П. К тридцатилетию начала стационарных исследований на острове Сучу (некоторые итоги) / А.П. Деревянко, В.Е. Медведев // История и культура востока Азии. – Т. II. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 53–66.
5. Забияко, А.П. Палеоамурские народы: опыт реконструкции древней этнической истории на территории Верхнего и Среднего Амура / А.П. Забияко // Археология CIRCUM-PACIFIC:

- памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда. Сборник статей. – Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2017. – С. 377–395.
6. Забияко, А.П. Культурный комплекс Калиновка: основные результаты археологических исследований 2006–2014 гг. / А.П. Забияко, М.А. Миронов // Религиоведение. – 2017. – № 4. – С. 5–20.
7. Забияко, А.П. Палеолитические украшения из пещеры Сяогушань: формирование раннего символизма и его региональные особенности в Северо-Восточном Китае / А.П. Забияко, Ван Цзюньчжэн // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – № 4 (40). – С. 14–22.
8. Крупянко, А.А. Ранние проявления ритуально-символической деятельности в культурах каменного века Дальнего Востока России / А.А. Крупянко, А.В. Табарев // Религиоведение. – 2013. – № 2. – С. 3–14.
9. Кузьмин, Я.В. Хронологические и палеогеографические аспекты неолита Нижнего Приамурья: середина 2010-х гг. / Я.В. Кузьмин // Археология CIRCUM-PACIFIC: памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда. Сборник статей. – Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2017. – С. 85–90.
10. Лапшина, З.С. Дальний Восток России – Япония: образы первобытного искусства как отражение стадийности в развитии архаического сознания / З.С. Лапшина // Традиционная культура востока Азии. Вып. 5 / Отв. ред. Д.П. Болотин, А.П. Забияко. – Благовещенск: Издательства Амурского государственного университета, 2008. – С. 121–131.
11. Лапшина, З.С. Скульптуры рыб в коллекции предметов искусства из археологических памятников Комсомольского района Хабаровского края / З.С. Лапшина // Вестник ДВО РАН. – 2012. – № 1. – С. 161–167.
12. Медведев, В.Е. Неолитическое святилище на Амуре / В.Е. Медведев // Археологические открытия 1993 г. – М.: Ин-т археологии РАН, 1994. – С. 177–178.
13. Медведев, В.Е. Проблема истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре / В.Е. Медведев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 77–94.
14. Медведев, В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амурского / В.Е. Медведев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 40–69.
15. Медведев, В.Е. Мариинская культура и ее место в неолите Дальнего Востока / В.Е. Медведев // Труды II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: Институт археологии РАН, 2008. – Т. I. – С. 244–248.
16. Медведев, В.Е. Объемная скульптура в неолите Приамурья / В.Е. Медведев // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. I. – С. 293–296.
17. Медведев, В.Е. К проблеме воссоздания культурно-исторических процессов в эпоху неолита в Приамурье / В.Е. Медведев // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – С. 45–52.
18. Медведев, В.Е. Керамика эпохи неолита нижнего Приамурья (орнаментальный аспект) / В.Е. Медведев, И.В. Филатова. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2014.
19. Окладников, А.П. Каменные рыбы (К изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири) / А.П. Окладников // Советская археология. – 1936. – № 1. – С. 215–245.
20. Окладников, А.П. Древнее поселение Кондон (Приамурье) / А.П. Окладников. – Новосибирск: Наука, 1983. – 160 с.
21. Шереметьев, И.С. Тенденции изменения ареалов копытных на юге Дальнего Востока (плейстоцен – современность) / И.С. Шереметьев, В.Е. Панасенко // Вестник ДВО РАН. – 2013. – № 2. – С. 41–46.
22. Шевкомуд, И.Я. Начало неолита в Приамурье: осиповская культура / И.Я. Шевкомуд, О.В. Яншина // Международный симпозиум «Первоначальное освоение человеком континентальной и островной части Северо-Восточной Азии (Южно-Сахалинск, 18–25 сентября 2010 г.). – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. – С. 118–133.
23. Шевкомуд, И.Я. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1 / И.Я. Шевкомуд, О.В. Яншина. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – 270 с.
24. Okladnikov, A. Ancient art of the Amur region: Rock drawings, sculpture, pottery / A. Okladnikov. – Leningrad: Aurora, 1981. – 158 p.

*Текст поступил в редакцию 30.08.2021.
Принят к публикации 30.09.2021.
Опубликован 23.12.2021.*

References

1. Ahmet'eva N.P. *Paleogeografiya Nizhnego Amura* [Paleogeography of the Lower Amur]. Moscow: Nauka Publ., 1977, 111 p. (in Russian).
2. Vasil'evskij R.S., Okladnikov A.P. *Zveri v kamne: Pervobytnoe iskusstvo* [Animals in stone: Primitive art]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980, pp. 230–238 (in Russian).
3. Derevyanko A.P., Volkov P.V., Li Hongzhong. *Selemdzhinskaya verhnepaleoliticheskaya kul'tura* [Upper Paleolithic Selemdzhinskaya culture]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1998, 336 p. (in Russian).
4. Derevyanko A.P., Medvedev V.E. *Istoriya i kul'tura vostoka Azii* [History and Culture of the East of Asia]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2002, vol. II, pp. 53–66 (in Russian).
5. Zabiako A.P. *Arheologiya CIRCUM-PACIFIC: pamyati Igorya Yakovlevicha Shevkomuda. Sbornik statej* [Archeology of the Circum-Pacific region: in memory of Igor Yakovlevich Shevkomud. Collection of articles]. Vladivostok: Tihookeanskoe izdatel'stvo "Rubezh", 2017, pp. 377–395 (in Russian).
6. Zabiako A.P., Mironov M.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2017, no. 4, pp. 5–20 (in Russian).
7. Zabiako A.P., Wang Junzheng. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2021, no. 4 (40), pp. 14–22 (in Russian).
8. Krupyanko A.A., Tabarev A.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2013, no. 2, pp. 3–14 (in Russian).
9. Kuz'min Ya.V. *Arheologiya CIRCUM-PACIFIC: pamyati Igorya Yakovlevicha Shevkomuda. Sbornik statej* [Archeology of the Circum-Pacific region: in memory of Igor Yakovlevich Shevkomud. Collection of articles]. Vladivostok: Tihookeanskoe izdatel'stvo "Rubezh", 2017, pp. 85–90 (in Russian).
10. Lapshina Z.S. *Tradicionnaya kul'tura vostoka Azii* [Traditional culture of the East of Asia]. Eds. D.P. Bolotin, A.P. Zabiako. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008, vol. 5, pp. 121–131 (in Russian).
11. Lapshina Z.S. *Vestnik DVO RAN* [Bulletin of the FEB RAS]. 2012, no. 1, pp. 161–167 (in Russian).
12. Medvedev V.E. *Arheologicheskie otkrytiya 1993 g.* [Archaeological discoveries of 1993]. Moscow: In-t arheologii RAN, 1994, pp. 177–178 (in Russian).
13. Medvedev V.E. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2001, no. 4, pp. 77–94 (in Russian).
14. Medvedev V.E. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2005, no. 4, pp. 40–69 (in Russian).
15. Medvedev V.E. *Trudy II (XVIII) Vseros. arheol. s"ezda v Suzdale* [Proceedings of the 2nd (18th) All Russia archeological Congress in Suzdal]. Moscow: Institut arheologii RAN, 2008, vol. 1, pp. 244–248 (in Russian).
16. Medvedev V.E. *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Kazani* [Proceedings of the 4th (20th) All Russia archeological Congress in Kazan]. Kazan: Otechestvo, 2014, vol. 1, pp. 293–296 (in Russian).
17. Medvedev V.E. *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Central'noj Azii (problemy interpretacii i sohraneniya)* [Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, pp. 45–52 (in Russian).
18. Medvedev V.E., Filatova I.V. *Keramika epohi neolita nizhnego Priamur'ya (ornamental'nyj aspekt)* [Ceramics of the Neolithic period of the Lower Amur region (ornamental aspect)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2014 (in Russian).
19. Okladnikov A. *Ancient art of the Amur region: Rock drawings, sculpture, pottery*. Leningrad: Aurora, 1981, 158 p.
20. Okladnikov A.P. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet archeology]. 1936, no. 1, pp. 215–245 (in Russian).
21. Okladnikov A.P. *Drevnee poselenie Kondon (Priamur'e)* [The ancient settlement of Kondon (Amur region)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983, 160 p. (in Russian).
22. Sheremet'ev I.S., Panasenko V.E. *Vestnik DVO RAN* [Bulletin of the FEB RAS]. 2013, no. 2, pp. 41–46 (in Russian).
23. Shevkomud I.Ya., Yanshina O.V. *Mezhdunarodnyj simpozium "Pervonachal'noe osvoenie chelovekom kontinental'noj i ostrovnoj chasti Severo-Vostochnoj Azii (Yuzhno-Sahalinsk, 18–25 sentyabrya 2010 g.)"* [International Symposium "The Initial human exploration of continental and insular parts of North-East Asia (Yuzhno-Sakhalinsk, September 18–25, 2010)]. Yuzhno-Sakhalinsk: SahGU, 2010, pp. 118–133 (in Russian).
24. Sevkomod I.Ya., Yanshina O.V. *Nachalo neolita v Priamur'e: poselenie Goncharka-1* [The Beginning of the Neolithic in the Amur region: The Settlement of Goncharka-1]. St. Petersburg: MAE RAN, 2012, 270 p. (in Russian).

*Submitted for publication: August 30, 2021.
Accepted for publication: September 30, 2021.
Published: December 23, 2021.*